

Виктор РУСАНОВ

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье изучается взаимное влияние политических факторов современности и моделей социального поведения, определяемых этнической культурой участников политических процессов.

The article deals with interrelation of political factors of modernity with models of social behavior defined by ethnic culture of political processes' participants.

Ключевые слова:

миграция, этническая культура, взаимовлияние культур, социальные изменения, культурная и политическая адаптация; migration, ethnic culture, interrelation of cultures, social changes, cultural and political adaptation.

Современные этнополитические процессы в России имеют свои специфические черты по отношению как к аналогичным процессам советского периода, так и к зарубежным. На основе результатов исследований проблем миграции, проведенных лабораторией социологии и психологии Энгельского технологического института Саратовского государственного технического университета и социологического центра «Росс – 21 век», представляется возможным отметить следующие особенности российского социума и его реакции на изменения в обществе, вызванные иммиграцией и эмиграцией.

С определенной долей условности можно признать, что в советский период в межнациональных отношениях России и бывших союзных республик, пусть порой декларативно, но и объективно доминировали интернационализм и межнациональное взаимопонимание. Появились признаки формирования единого культурного и политического пространства, в официальной идеологии того времени именуемого «советским народом».

В условиях краха политической системы индивид вынужден искать приемлемую основу социального ориентирования. В качестве таковой чаще всего принимается национальная идентичность. Поиск же национальной идентичности как основы жизненной позиции, судя по социологической статистике, непоследователен, порой противоречив. Самой же удивительной особенностью нынешнего периода нового этногенеза и национального самосознания являются инфантильность мотивов и побуждений, примитивность средств и способов консолидации или конфронтации в изменяющейся социальной среде. Социальный страх и растерянность, характерные для времени политических потрясений, компенсируются созданием индивидуального панциря национализма и надуманного, конфабуляционного патриотизма. Особенно это характерно для молодежи – наиболее мобильной и внушаемой части общества. Немало этому способствует и реформированная система образования, из которой практически исключены воспитательная и социализирующая функции.

В настоящее время на уровне практического управления этносоциальными и миграционными процессами не используются эмпирические данные и теоретические представления о совместимости культур различных этносов. Разумеется, чиновники-управленцы заинтересованы в скорейшей ассимиляции всех прибывающих на подведомственную им территорию поселенцев. Даже в таких

РУСАНОВ

Виктор

*Алексеевич –
доцент кафедры
гуманитарных
наук Энгельского
технологического
института –
филиала СГТУ
им. Ю.А. Гагарина
anovrus@bk.ru*

«мигрантских» по генезису государствах, как США, процесс ассимиляции в отдельных случаях весьма продолжителен и нелинеен. В этом государстве быстро достигают политической интеграции, однако культурной, приватно-бытовой ассимиляции достичь порой невозможно. С. Хантингтон отмечает, что близкие к англосаксам по языку и культуре немцы создавали анклав и противостояли ассимиляции на протяжении нескольких поколений¹. Еще сложнее, без сомнений, ситуация в России, ставшей после распада СССР землей обетованной для бывших сограждан по Союзу и их потомков. В управлении мигрантскими потоками не учитывается, например, тот факт, что казахи безупречно вписываются в социально-политический континуум России уже в первом поколении, более приближенные по вероисповеданию и культуре армяне традиционно предпочитают достаточно изолированные анклав, а курды, где бы ни поселились, образуют совершенно автономный и изолированный «маленький Курдистан».

Негативные последствия силового реформирования российского общества проявляются не только в обострении межнациональной и межконфессиональной напряженности в ходе иммиграционных процессов. Постоянно растет поток эмигрантов из России. По результатам многочисленных исследований, при достаточном экономическом благополучии от 20% до 40% и более молодых людей готовы переселиться за рубеж на постоянное место жительства. Сейчас у молодежи предпочтительными по сравнению с Россией государствами проживания становятся не только США и страны Западной Европы, но и Литва, Латвия, Эстония, Беларусь. Нынешние студенты готовы стать американцами, чехами, белорусами в обмен на избавление от навязчивого социального страха, провоцируемого, прежде всего, властями среднего уровня – региональными и местными.

Социологическая статистика, представленная социологическим исследовательским центром «Росс – 21 век» (руководитель – В.П. Санатин), свидетельствует о том, что собственно межнациональные отношения не очень интересуют сограждан – жителей Саратовской обл.

Они занимают последнее место в рейтинге проблем, волнующих население.

Среди 16 социально значимых проблем региона лидируют: бедность, низкий уровень благосостояния (это отметили 70% респондентов), наркомания и алкоголизм (65%), коррупция, злоупотребления чиновников. Опасность межнациональных конфликтов отмечают 16% населения. Наиболее высок уровень этноконфликтной тревожности среди граждан 30–50 лет (21%). Среди людей старшей возрастной группы (более 60 лет) опасность межнациональных конфликтов ощущают 12% респондентов. Картина благостная. Эти цифры любят приводить в докладах региональные руководители, однако погромы и революции начинались именно как проявления экономической депривации, недовольства уровнем жизни масс населения. Подтверждением возможности подобного развития ситуации является мнение почти 80% населения, настаивающих на немедленной и радикальной чистке администраций регионального и местного уровней и всех силовых структур. Еще 52% считают самым насущным в социально-политической сфере установление приоритета русских по национальности при занятии государственных, административных должностей и в руководстве крупными компаниями, банками, фондами.

Вместе с тем около 20% населения Саратовской обл. считают принадлежность к определенной нации ложной ценностью. Для них человек – это, прежде всего, гражданин мира. Характерно, что такое мнение высказывают в подавляющем большинстве респонденты – русские по национальности. Русские же составляют, за редкими исключениями, контингент сторонников новых религиозных направлений и сект: мормонов, свидетелей Иеговы, белобратцев, богородичников и пр. Русские, по умолчанию считающиеся опорой российской государственности и объединяющей средой для всех других российских этносов, далеко не едины в своем стремлении к «православию, соборности и русскоцентричности России», столь милым сердцам русских неонационалистов.

В начале 90-х гг. прошлого века в условиях неразберихи в системе государственного и социального управления значительно интенсифицировались процессы

¹ Хантингтон С. Кто мы? – М., 2004, с. 259.

социальной саморегуляции. В числе прочих организаций, занимающихся общественным регулированием, стали возникать национально-культурные объединения. Кроме задач поддержания культуры многочисленных диаспор в регионах России, они стремились к участию в делах государственного и муниципального управления в сфере их интересов. Так, например, в середине 1990-х одна из азербайджанских национально-культурных организаций в г. Энгельсе Саратовской обл. организовала нечто вроде мандатной комиссии для вновь прибывающих в регион азербайджанцев. В случае если возникали сомнения в добропорядочности нового иммигранта, подозрения в связях с криминалом, его принуждали покинуть пределы региона, мотивируя это тем, что члены диаспоры успешно вписались в российское общество, занимаются легальным бизнесом и не хотят, чтобы сомнительные люди бросали тень на их доброе имя. По протесту прокуратуры такая «аттестация» была официально запрещена, а неофициально продолжалась и была поддержана активистами других диаспор.

Властями региона подобные инициативы национально-культурных объединений негласно одобрялись. Чиновники органов государственного и муниципального управления и общественность стали рассматривать эти объединения как эффективный механизм социального управления в сложнейшей этноконфессиональной среде, а их лидеров — как доверенных лиц государства в руководстве диаспорами. В 2005 г. деятельность объединений одобряли 20% респондентов и столько же оценивали ее отрицательно, остальные затруднились с ответом. В 2010 г. позитивное отношение снизилось до 18%, а отрицательно к национальным организациям и их лидерам относились 55%.

Тем не менее сельское население области вполне лояльно относится к новым поселенцам — мигрантам самых различных национальностей, кроме, разве что, цыган. Такую доброжелательность к соседям с другой культурой, языком можно объяснить действием некоего русского архетипа — ведь русский народ формировался как сплав различных этносов на территории от Балтики до Тихого океана. В городах же отношение к мигрантам, в духе современности, описывается аффирмацией «понаехали тут».

В связи с этим целесообразно упомянуть о русских экстремистских националистических организациях. Именно о русских, хотя в их состав нередко входят, например, татары, немцы, марийцы и представители других традиционных российских наций. Под наименованием экстремистско-националистов существуют два различных социальных явления.

Первая и самая распространенная группа «националистов» — это обычное дворово-уличное хулиганье. Национализм для них — не более чем туманное понятие, позволяющее оправдывать собственное хамство и стремление пакостить всегда и везде. Избить одинокого гастарбайтера, нарисовать свастику на стене синагоги — это практически полный ассортимент их подвигов.

Вторая группа возникает как реакция местного населения на противоправные или просто неприемлемые в данной культурной среде систематические действия, хулиганские выходки, допускаемые новыми поселенцами с целью запугать местное население. Поскольку наши правоохранительные органы охраняют и защищают, прежде всего, самих себя, население самоорганизуется с целью защиты от агрессивных пришельцев. Именно эти группы местного населения нередко интернациональны, объединяют представителей коренных этносов и, собственно, они и являются в определенном смысле националистами. Причина возникновения националистических защитных объединений вовсе не в этнофобии, неприязни к тому или иному этносу. Причина — в вопиющей, преступной бездеятельности властей всех уровней и отраслей. Ситуация в российском обществе принципиально отличается от положения в странах Европы и США, испытывающих еще более серьезное воздействие миграционного давления.

В России же в который раз прервана культурная традиция, мировоззренческая преемственность между поколениями. Еще в перестроечные времена были реабилитированы религия и церковь. Политическое руководство страны рассчитывало, что религия сможет компенсировать фрагментарность, практическое отсутствие социокультурной традиции в советском обществе. В российском обществе культивация религии и материальная помощь религиозным организациям не

ослабевает в надежде на то, что они будут оказывать содействие властям в контроле над российскими гражданами, удерживать их от бунта против бюрократии. В настоящее время веруют в Бога и соблюдают обряды 11% населения Саратовской обл. Эти люди действительно стараются руководствоваться религиозными нормами — заповедями и выстраивают свою линию поведения в соответствии с моделями религиозной нравственности. Среди молодежи 18–30 лет верующих 7%, из которых 2/3 — женщины. Таким образом, среди самой проблемной с точки зрения социальной управляемости группы — юношей, молодых мужчин — верующих всего 2–3 человека на сотню. Это, конечно же, не значит, что все верующие на, так сказать, рутинно-бытовом уровне, не соблюдающие обрядов, не знающие догматов церкви, являющиеся людьми безнравственными и социально опасными. Ресурс религиозно-социального регулирования в их отношении весьма ограничен.

2/3 населения, признавшие, что веруют в Бога, но обрядов не соблюдают, отличаются от воцерковленных тем, что религия для них — не основа системы личностных ценностей, не руководство на все случаи жизни, а своего рода оправдание собственных поступков. Для большей части российского сообщества и сообществ множества других государств религия выступает в качестве своеобразного катализатора социальных процессов. Современное российское общество — это соседство слегка верующих, слегка социализировавшихся людей. Религия может служить оправданием как жуткого террора, геноцида, так и некоего гипергуманизма со всеми переливами спектра в этом диапазоне. Религиозный фундаментализм, фанатизм, социальное равнодушие, духовная слепота и пресловутая политкорректность — в сущности, проявления одного и того же феномена — каталитического воздействия религии, религиозного мировоззрения на общество отчасти верующих людей. Таким

образом, поддержка определенных религиозных организаций и движений является выражением потребности органов государственного и муниципального управления и гражданского общества в расширении спектра ресурсов социального управления и связана с необходимостью научной рефлексии процессов религиозного ренессанса в современном российском обществе, анализа критериев эффективности направления социальных изменений. Социальная политика ведущих, наиболее развитых в экономическом и политическом планах государств неожиданно привела мировое сообщество в состояние духовного, этического организационно-управленческого кризиса. Идеология мультикультурализма, социальная практика самодовлеющей толерантности и так называемой политкорректности создали для человечества не меньше проблем, чем в свое время национализм, политический тоталитаризм и религиозная нетерпимость.

Результатом общественно-политических трансформаций становится формирование качественно иной социальной структуры, представляющей собой неоднородное социальное пространство, состоящее из множества социальных групп, имеющих специфические интересы и потребности. В условиях децентрализации и единой идеологической базы, способной обосновать и определить логику функционирования и взаимодействия социальных субъектов, актуализируется потребность формирования в обществе системы саморегулирования и самоуправления. Эта легитимная и органичная по своему происхождению система нужна для предотвращения резких, пагубных для общества и трагичных для людей энтерогенных социальных потрясений. Ее элементы должны осознавать существование проблемной ситуации, находить, обсуждать и мобилизовать необходимые ресурсы внутренней и внешней социальных сред для решения как узкогрупповых, так и общезначимых задач.